

«За правое дело» и «Жизнь и судьба» В. Гроссмана: два романа или одна диалогия? (по материалам критики)

Клинг Дарья Олеговна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: dashsa-kling@yandex.ru

Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», написанный в 1960 г., стал полностью доступен для читателей и критиков лишь в 1980 г. – и то в «тамиздате». В России роман был запрещен вплоть до 1988г. Поэтому российские критики включились в дискуссию о книге Гроссмана несколько позднее, чем их русскоязычные коллеги за рубежом. Из общего течения критической мысли по поводу этого произведения в отдельный блок можно выделить споры о том, составляют ли романы «За правое дело» и «Жизнь и судьба» диалогию. При этом наблюдается интересная тенденция. Основная масса критики русского зарубежья четко делит произведения писателя на советские и антисоветские, т.е. написанные до «Жизни и судьбы» и после. Создание «Жизни и судьбы» рассматривается как «прозрение», «перелом» в мировоззрении автора. Российские же критики признают два романа слагаемыми (пусть и не равноправными) диалогии. При этом творческий путь Гроссмана им представляется более плавным и логическим. Особого внимания в этой связи заслуживает спор критиков о сущности соцреализма и о том, в какой степени Гроссману удалось преодолеть этот метод.

Разделяя творчество В. Гроссмана на «советское» и «антисоветское», критики русского зарубежья определили довоенное творчество писателя как банальный социалистический реализм. Роман же «Жизнь и судьба» признавался освобождением от соцреализма. Это служило одним из доказательств того, что «Жизнь и судьба» – самостоятельное произведение, не имеющее прямого отношения к социалистическому роману «За правое дело».

Российские критики также считали, что в «Жизни и судьбе» Гроссман преодолел соцреализм. Однако, рассматривая творчество писателя как поступательное движение к главному роману, многие из них стремились и в довоенных произведениях, и в особенности в романе «За правое дело» увидеть предпосылки к этому преодолению, осознанные и неосознанные автором отступления от социалистического канона.

Часто в само понятие «социалистический реализм» разные исследователи вкладывают разные смыслы. Соцреализм как метод подразумевал идеологическую и формальную (поэтическую) составляющие. При оценке произведения с точки зрения метода его создания нередко некоторые говорят лишь об одном из этих аспектов. Так, например, Б. Хазанов в беседе с Б. Сарновым, определяя соцреализм как продолжение классического русского и французского реализма XIX века, но «через голову новаций... первой трети XX века», рассматривает лишь поэтику соцреализма, утверждая, что идеология не главное в определении литературного метода. Собственно, мнения собеседников по поводу романа Гроссмана «Жизнь и судьба» разделились. Б. Сарнов утверждает: «К социалистическому реализму этот роман Гроссмана... никакого отношения не имеет». Б. Хазанов же причисляет «Жизнь и судьбу» к соцреализму.

С точкой зрения Б. Хазанова перекликается мнение исследователя М. Липовецкого, который называет роман Гроссмана «Жизнь и судьба» «соцреализмом с человеческим лицом». Однако, определяя поэтику романа как социалистическую, Липовецкий не отбрасывает идеологическую составляющую романа, признавая ее той силой, которая преодолевает в романе каноны соцреализма.

Отстаивая точку зрения критиков на роман Гроссмана «Жизнь и судьба» как часть диалогии, В. Кардин ставит под сомнение принадлежность к соцреализму и первого романа. Исследователь объясняет разгром романа «За правое дело» в критике не только тем, что это была антисемитская кампания, но и тем, что уже в первом романе Гроссман начал расшатывать каноны соцреализма.¹

¹ В. Кардин. Жизнь – это свобода...//Огонек. 1988. №23. С. 21.

Все исследователи соглашались с тем, что на фоне «Жизни и судьбы» «За правое дело» меркнет – как в плане художественного исполнения, так и в плане философского содержания. Однако для многих из тех, кто не мог сравнивать первый роман со вторым (а это современники Гроссмана), «За правое дело» стал открытием, знаком того, что начинается постепенный отказ от прежних канонов. К этому выводу мы приходим, знакомясь с перепиской Гроссмана. Так, в письме Гроссману В. Некрасов отзывался о романе «За правое дело» как о произведении, которое должно направить литературу в новое русло: «Вы написали хорошую, умную, честную... и талантливую книгу... Неужели после нее не поймут, что нельзя так писать, как мы теперь пишем?...»²

В вопросительной интонации Некрасова звучит сомнение в том, что литературе позволят пойти в новом направлении. Современный читатель может определить «За правое дело» как «обыкновенный роман сталинской эпохи», как книгу, которая «вполне могла бы получить Сталинскую премию»³. Но современники Гроссмана видели в первой части нечто отличное от общего потока соцреализма, т.к. в официальной литературе им и не снилась такая степень творческой свободы, как во втором романе дилогии. Да и к присуждению Сталинской премии относились тогда по-другому. Из того же письма В. Некрасова становится понятно, что присуждение Гроссману Сталинской премии было бы воспринято как «зеленый свет», который власть открывает новому в литературе.

Пожалуй, расхождения в понимании творческого пути Гроссмана русскоязычными критиками в России и за ее пределами объясняются разными подходами исследователей к материалу, несовпадением приоритетов. Стремление критиков русского зарубежья отвергнуть все довоенное творчество Гроссмана и роман «За правое дело» объясняется их вполне понятным и уже осуществленным решением отвергать все советское. Отечественные критики поставили перед собой более сложную задачу: бросая взгляд на историческое и литературное прошлое страны, не отвергать его целиком, а переосмысливать. Поэтому и творчество Гроссмана они не стали схематично делить на «советское» и «антисоветское», а захотели обнаружить ростки той свободы мысли, которой писатель достиг в романе «Жизнь и судьба», во всем его предыдущем творчестве. В какой-то степени подход к выявлению преемственности в творчестве Гроссмана можно назвать консервативным, однако мы назовем его эволюционным в противоположность революционному подходу критиков русского зарубежья. Первый подход представляется нам более взвешенным и обоснованным.

Научный руководитель: Скарлыгина Елена Юрьевна, к.ф.н., доцент

Литература

1. Сарнов Б., Хазанов Б. Есть ли будущее у русской литературы? // Вопросы литературы. 1995. Вып. III. С. 102-120.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ТТ. М., 2003.
3. Кардин В. Жизнь – это свобода... Над страницами романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Огонек. 1988. №23. С. 21-24.
4. Из архива Василия Гроссмана / Вступ. Заметка и публ. Ф. Губера // Вопросы литературы. 1997. №4. С. 321-332.
5. От издательства // В. Гроссман. Жизнь и судьба. Лозанна, 1980.

² Из архива Василия Гроссмана / Вступ. Заметка и публ. Ф. Губера // Воп. литературы. 1997. №4. С. 325.

³ От издательства // В. Гроссман. Жизнь и судьба. Лозанна, 1980. С. II-III.